

ПЕТРИЧЕВ
ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ

эксперт компании
«КонсультантПлюс»,
слушатель РШЧП

ПОДМАРКОВА
АННА СЕРГЕЕВНА

старший преподаватель
кафедры
предпринимательского
права НИУ ВШЭ, кандидат
юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ*

В статье анализируются практические последствия изменения одной из ключевых статей первой части Гражданского кодекса РФ «Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам». Авторы показывают, что одной лишь замены презумпции ничтожности сделки, противоречащей закону, презумпцией ее оспоримости недостаточно для обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку в новых правовых условиях сделку, противоречащую закону, можно квалифицировать и как оспоримую, и как ничтожную.

Ключевые слова: недействительность сделок, ничтожные и оспоримые сделки, реформа гражданского законодательства, презумпция оспоримости сделок, публичные интересы

Одним из наиболее важных изменений Гражданского кодекса (ГК) РФ, осуществленных в рамках реформы гражданского законодательства, является изменение правового регулирования недействительности сделок.

* Статья подготовлена при информационной поддержке компании «КонсультантПлюс». Ссылки на судебные акты даны на СПС «КонсультантПлюс», если в тексте не указан иной источник. Нормативные правовые акты и судебная практика приведены по состоянию на 17.10.2014.

Соответствующие поправки были внесены Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 100-ФЗ) и носят кардинальный, практически революционный характер. Поскольку положения данного Закона вступили в силу уже более года назад, 1 сентября 2013 г., то сейчас можно ожидать появления судебных споров

о недействительности сделок, совершенных после этой даты.

Это делает актуальным анализ произошедших изменений гражданского законодательства и выявление тех проблем в отношении споров о недействительности сделок, которые в ближайшем будущем могут возникнуть на практике.

Постановка проблемы

Одна из главных новелл Закона № 100-ФЗ, влекущая возникновение существенных проблем в правоприменении, — изменение ст. 168 ГК РФ. Введена презумпция, в соответствии с которой сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является по общему правилу оспоримой, а не ничтожной (следует обратить особое внимание, что речь идет о недействительности сделок, противоречащих не только законам, но и иным правовым актам). Ранее ситуация была обратной: если иное не было установлено законом, недействительная сделка являлась ничтожной, и к этой презумпции ничтожности привык как законодатель, нередко предусматривавший норму о недействительности определенного условия (сделки), не уточняя вид недействительности, так и высшие суды (включая ВАС РФ).

Изменив базовую ст. 168 ГК РФ, законодатель не скорректировал массив норм о недействительности сделок, который был наработан за последние 20 лет и основывался на презумпции ничтожности недействительной сделки.

Исходя из вышесказанного возникает основной вопрос: **насколько изменение ранее существующей презумпции без приведения в соответствие законодательства и правовых позиций высших судов может повлечь на практике возникновение проблем с признанием сделок недействительными?**

Для того чтобы на него ответить, прежде всего необходимо выявить, чем ничтожные сделки отличаются от оспоримых.

Во-первых, от вида недействительности сделки зависит срок исковой давности, т.е. срок для защиты

права по иску лица, право которого нарушено, а также момент, с которого начинается его течение. Согласно ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной (п. 3 ст. 166) составляет три года. Срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год.

Течение срока исковой давности для ничтожных сделок начинается со дня, когда началось ее исполнение, а в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. При этом для него срок исковой давности во всяком случае не может превышать десяти лет со дня начала исполнения сделки.

Течение срока исковой давности для оспоримых сделок начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (п. 1 ст. 179 ГК РФ), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания ее недействительной.

Таким образом, **возможности для признания оспоримой сделки недействительной более ограничены во времени, чем для применения последствий ничтожности сделки.**

Во-вторых, различается круг субъектов, которые вправе обращаться с требованиями о признании сделок недействительными в суд. Пункт 2 ст. 166 ГК РФ в предыдущей редакции предусматривал, что требовать признания оспоримой сделки недействительной могут только лица, прямо указанные в Кодексе применительно к отдельным основаниям недействительности оспоримых сделок. Требовать применения последствий недействительности ничтожной сделки могло любое заинтересованное лицо. Суд мог применить такие последствия по собственной инициативе. Нынешняя редакция ст. 166 ГК РФ сгладила это различие, и теперь круг уполномоченных на обращение с соответствующими требованиями лиц определяется законами, а применительно к ничтожным сделкам речь больше не идет о любых заинтересованных лицах.

Вместе с тем новая редакция ст. 166 ГК РФ существенно усложнила условия признания сделки недействительной и применения последствий такой недействительности, в частности введя правило эстоппель (п. 5 названной статьи) и предусмотрев иные ограничения¹, среди которых следует выделить:

1) необходимость доказать нарушение прав и законных интересов истца (включая неблагоприятные последствия п. 2 ст. 166 ГК РФ в новой редакции);

2) необходимость преодолеть следующее требование закона: «Сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли» (п. 2 ст. 166 ГК РФ в новой редакции).

Итак, основное различие между ничтожными и споримыми сделками с практической точки зрения касается срока, отведенного на обращение в суд и защиту нарушенных прав истца, а также дополнительного для истца бремени доказывания наличия у него неблагоприятных последствий, возникших вследствие совершения споримой сделки, и доказывания его незнания о правовой дефектности сделки.

Далее следует определить, в каких случаях в законодательстве идет речь о недействительности сделки без уточнения вида ее недействительности.

В ГК РФ об этом говорится применительно к двум основным ситуациям:

1) к несоблюдению требуемой формы сделки (например, формы соглашения о неустойке (ст. 331), договора залога (абз. 3 п. 3 ст. 339), поручительства (ст. 362), купли-продажи недвижимости (ст. 550), аренды здания или сооружения (ст. 651), аренды предприятия (п. 3 ст. 658), страхования (ст. 940), доверительного управления имуществом (ст. 1017) и т.д.). Основным становится вопрос о последствиях несоблюдения

именно простой письменной формы сделки, обязательной для данного вида сделки в силу требований закона, поскольку:

а) общим последствием такого несоблюдения согласно п. 1 ст. 162 ГК РФ является утрата сторонами сделки права в случае спора ссылаясь в подтверждение ее самой и ее условий на свидетельские показания, но сохранение возможности приводить письменные и другие доказательства;

б) пункт 2 ст. 162 ГК говорит о недействительности сделки, совершенной в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, при несоблюдении простой письменной формы, не уточняя вида ее недействительности;

в) во введенном в ст. 163 ГК РФ п. 3 прямо закреплена ничтожность сделки как следствие несоблюдения ее нотариальной формы, если нотариальное удостоверение в соответствии ГК РФ является обязательным. Соответственно, в отношении простой письменной формы сделок, предусмотренной законом, вопрос остается открытым;

2) к недействительности соглашений, ограничивающих или освобождающих лицо от ответственности. В качестве примера можно привести п. 2 ст. 461 ГК РФ, согласно которому «соглашение сторон об освобождении продавца от ответственности в случае истребования приобретенного товара у покупателя третьими лицами или о ее ограничении недействительно». Нормы, предусматривающие недействительность таких соглашений, мы находим не только в ГК РФ², но и в федеральных законах, регулирующих разные виды перевозок (например, в ст. 114 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», ст. 37 Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»).

¹ Подробнее об этом см.: Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа *estoppel* в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. С. 13–16; Останина Е.А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник ВАС РФ. 2013. № 11. С. 38–45.

² См., напр., п. 2 ст. 793 ГК РФ: «Соглашения транспортных организаций с пассажирами и грузовладельцами об ограничении или устраниении установленной законом ответственности перевозчика недействительны, за исключением случаев, когда возможность таких соглашений при перевозках груза предусмотрена транспортными уставами и кодексами».

Помимо двух вышеупомянутых случаев, в ГК РФ и иных федеральных законах есть и другие нормы, в которых речь идет о недействительности сделок без уточнения вида недействительности.

Например, в п. 2 ст. 835 ГК РФ, касающейся принятия вклада от гражданина лицом, не имеющим на это права, или с нарушением порядка, установленного законом или принятыми в соответствии с ним банковскими правилами, также говорится о последствиях принятия им вкладов и от юридических лиц, в том числе имеется ссылка на ст. 168 ГК РФ: «Если таким лицом приняты на условиях договора банковского вклада денежные средства юридического лица, такой договор является недействительным (статья 168)».

Согласно ст. 58 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» все сделки, совершаемые в отношении животного мира в нарушение законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в области охраны и использования объектов животного мира, являются недействительными.

Перечислив достаточное количество случаев, в которых вопрос о виде недействительности сделки сам по себе не урегулирован и может (должен в силу прямого указания закона) быть решен применением ст. 168 ГК РФ, следует проанализировать, насколько существенны изменения данной статьи для правильного применения норм, предусматривающих недействительность сделок.

Для этого приведем и рассмотрим точную формулировку изменившейся ст. 168 ГК РФ:

«1. За исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи или иным законом (здесь и далее курсив наш. — В.П., А.П.), сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

2. Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует,

что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки».

Буквальное толкование приведенной статьи свидетельствует о том, что:

1) по общему правилу сделка, противоречащая закону или иному правовому акту, оспорима. Ничтожность сделки может следовать:

- из посягания этой сделки на публичные интересы;
- нарушения ею охраняемых законом интересов третьих лиц;

2) закон может прямо предусматривать либо вид недействительности сделки (ничтожность или оспоримость), в том числе даже в случаях нарушения ею публичных интересов и интересов третьих лиц, либо иные последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Соответственно, на истца налагается дополнительное бремя доказывания, если он требует квалифицировать сделку именно как ничтожную.

Таким образом, можно согласиться с мнением о том, что фактически «ныне в нормах закона провозглашается принцип нерушимости сделки, если только ее существо или содержание не нарушают публичные интересы или права, охраняемые законом интересы третьих лиц»³.

Основной проблемой при признании сделок недействительными и определении вида их недействительности (ничтожности или оспоримости, т.е. применения п. 1 или п. 2 ст. 168 ГК РФ) становится определение того, чьи интересы были нарушены в результате совершения соответствующей сделки. Если нарушенные интересы ограничены интересами сторон договора (как правило, одного из контрагентов) сделка оспорима, если сфера нарушения интересов выходит за их пределы, например касается публичных интересов, значит, есть основания для ничтожности сделки.

³ См.: Андреев В.К. Сделка и ее недействительность // Юрист. 2014. № 1. С. 8–12.

В связи с этим очевидной становится проблема определения содержания термина «публичный интерес», границы которого законодательно не определены, а также квалификации судами сделок как ничтожных в связи с допущенным нарушением публичных интересов. Это подтверждают и Рекомендации научно-консультационного совета при ФАС Уральского округа № 1/2014 (далее также — Рекомендации)⁴, в п. 14 которых поясняется, что суду следует принимать решение о квалификации сделки как ничтожной и применении последствий ее ничтожности «исходя из характера и последствий допущенных при совершении сделки нарушений с учетом всех обстоятельств дела (например, удовлетворение заявленных требований имеет своей целью прекращение длящегося основанного на сделке правонарушения, устраняются вступающие в противоречие с нормами права последствия совершения сделки)». Согласно Рекомендациям «...под публичными интересами суды могут понимать интерес общества в правовой стабильности, правовой определенности, гарантированности защиты интересов экономически и социально более слабых членов общества в их отношениях с сильными, недопустимости нарушения явно выраженных законодательных запретов и обхода закона».

Это определение также не является абсолютно точным, однако оно позволяет очертить хотя бы примерный круг сделок, по меньшей мере способных посягнуть на публичные интересы. Представляется, что это могут быть следующие группы сделок:

1) сделки, при совершении которых произошло злоупотребление правом или которые совершены с целью злоупотребить правом⁵.

В этом случае снимается вопрос применения существующей конструкции квалификации сделок ничтож-

⁴ См.: <http://fasuo.arbitr.ru/files/pdf/nks15.05.2014.pdf> (дата обращения: 10.12.2014).

⁵ Здесь следует обратить внимание на изменение Законом № 100-ФЗ и ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности», из которой были практически исключены конфискационные последствия совершения такой сделки. Возникает вероятность, что в дальнейшем сделки, совершенные со злоупотреблением правом, будут квалифицироваться на основании именно этой статьи, а не ст. 10, 168 ГК РФ.

ными на основании ст. 10 и 168 ГК РФ⁶. Кроме того, это позволяет решить важную политico-правовую проблему защиты лица, пострадавшего от злоупотребления правом, если оно пропустило срок исковой давности. Подобная ситуация весьма вероятна, поскольку злоупотребление правом не связано с нарушением формальных требований нормативных актов и потому не является очевидным. Если же исходить из споримости подобных сделок, то вероятность пропуска исковой давности истцом высока и в этом случае суд будет вынужден фактически санкционировать совершенное злоупотребление;

2) сделки, направленные на осуществление обхода закона. Здесь представляются справедливыми предшествующие доводы, учитывая тот факт, что действующая редакция ГК РФ рассматривает обход закона как разновидность злоупотребления правом;

3) сделки, нарушающие требования законодательства, регулирующего государственный сектор экономики (включая использование и распоряжение публичным имуществом), в частности:

— Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»⁷;

— Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

⁶ Эта конструкция основана на достаточно обширной практике ВАС РФ, базирующейся на известном «деле Переделкино» (Постановление Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 № 15756/07 по делу № А40-72598/05-19-458). См. также: п. 9, 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127, абз. 4 п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“», Постановления Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 12913/12 по делу № А27-15517/2011, от 13.09.2011 № 1795/11 по делу № А56-6656/2010, от 12.07.2011 № 18484/10 по делу № А21-12778/2009, от 30.11.2010 № 10254/10 по делу № А45-808/2009.

⁷ Данный документ утратил силу, но многочисленные споры по поводу сделок, совершенных в период его действия, все еще ведутся.

- Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁸;
- Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»;
- Земельного кодекса РФ в части нарушения правил предоставления земельных участков, находящихся в публичной собственности для целей строительства. Этот вывод основан в том числе и на крайне негативном отношении судебной практики к попыткам обойти данные требования⁹;
- 4) сделки, нарушающие положения миграционного законодательства¹⁰.

Приведенные выдержки из Рекомендаций свидетельствуют о понимании судами проблем применения ст. 168 ГК РФ, изложенной в новой редакции.

Теперь же, с учетом Рекомендаций, попытаемся определить на конкретных примерах, чьи интересы нарушаются совершением тех или иных недействительных сделок и, соответственно, как такие сделки должны быть квалифицированы: как ничтожные или оспоримые?

1. Статья 198 ГК РФ «Недействительность соглашения об изменении сроков исковой давности» предусматри-

вает, что сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон. Несмотря на упоминание недействительности таких соглашений (их условий) только в названии приведенной статьи, представляется, что данный пример иллюстрирует случай, в котором речь однозначно идет о нарушении публичных интересов и явной ничтожности таких соглашений, поскольку, изменяя сроки исковой давности или порядок их исчисления и тем самым нарушая императивные нормы гражданского законодательства, стороны безусловно нарушают и интересы общества или третьих лиц в правовой стабильности, правовой определенности правил, регулирующих порядок защиты нарушенных прав участников гражданских правоотношений.

2. В соответствии с п. 2 ст. 930 ГК РФ «договор страхования имущества, заключенный при отсутствии у страхователя или выгодоприобретателя интереса в сохранении застрахованного имущества, недействителен». На уровне федеральных арбитражных судов округов неоднократно встречаются судебные решения, где эта норма применяется одновременно со ст. 168 ГК РФ и где речь идет именно о ничтожности договора страхования имущества, заключенного при отсутствии интереса в его сохранении. С изменением презумпции, закрепленной в ст. 168 ГК РФ, такие сделки теоретически могут быть квалифицированы как оспоримые. Вместе с тем представляется, что в данном случае можно говорить о нарушении публичных интересов и, как следствие, ничтожности таких договоров, поскольку нарушение явно выраженных законодательных запретов и обход закона недопустимы. Стоит согласиться с судами в том, что несуществующее право страхователя или выгодоприобретателя защите путем страхования подлежать не должно. В качестве подтверждения обозначенной позиции приведем определение Московского городского суда от 23.01.2014 № 4г/6-110/13.

В ходе рассмотрения дела по существу суд установил, что истцом М. в 2012 г. был заключен договор добровольного страхования. Объектом страхования являлся жилой дом, в котором истцу М. принадлежала доля в праве собственности в размере 23/200. В день заключения договора произошел страховой случай: дом сгорел. Истцу было выплачено страховое возмещение, соразмерное его доле в праве собственности на застрахованное имущество в размере

⁸ Пример положительной практики — постановление АС Северо-Западного округа от 15.09.2014 по делу № А42-7340/2013.

⁹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2011 по делу № А65-15941/2009-СА2-9. По этой проблеме подробнее см.: Жаркова О.А. Предоставление земельного участка для целей строительства и документация по планировке территории // Закон. 2013. № 5. С. 65–72.

¹⁰ Примеры положительной практики подобного рода: постановления Десятого ААС от 22.09.2014 по делам № А41-26833/14 и № А41-26820/14.

23/200. Истец посчитал, что судом сделан необоснованный вывод о ничтожности договора страхования в части превышения прав в доле застрахованного имущества. Суд кассационной инстанции решил, что поскольку истец являлся собственником доли в праве застрахованного имущества 23/200, поскольку он имеет частичный интерес в сохранении застрахованного имущества с учетом его доли. Суд также указал, что договор страхования в части превышения прав в доле на застрахованное имущество прямо противоречит положениям действующего законодательства (п. 1, 2 ст. 930 ГК РФ), а потому в соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ является ничтожным в части превышения прав в доле на застрахованное имущество¹¹.

3. Согласно п. 1 ст. 16 Федерального закона от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите потребителей) «условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными».

Из приведенного текста статьи не следует напрямую, является ли условие, ущемляющее права потребителя, ничтожным или оспоримым. На наш взгляд, применительно к данной области законодательства речь всегда идет о защите не только конкретного потребителя, чьи права были ущемлены соответствующим условием договора, но и всех потенциальных потребителей, являющихся к тому же слабой стороной по отношению к продавцам. Исходя из этого представляется, что в этом случае речь должна идти именно о ничтожности подобных условий, а не об их оспоримости.

Такая точка зрения может быть подтверждена и сложившейся судебной практикой. Еще до изменения ст. 168 ГК РФ у судов общей юрисдикции превалировал подход, что условия договора, ущемляющие

права потребителя, ничтожны¹². Этот вывод делался на основании совместного применения ст. 16 Закона о защите прав потребителей и ст. 168 ГК РФ в прежней редакции. Наиболее полно данная позиция может быть продемонстрирована на примере кассационного определения суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 12.01.2012 по делу № Н33-13\12, в котором было отмечено следующее: «Поскольку закон не устанавливает, что условие договора, ущемляющее права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, является оспоримым или не предусматривает иных последствий нарушения, следовательно, такое условие договора является ничтожным, поэтому суд правомерно посчитал, что истцом срок исковой давности не пропущен». Квалификация подобных условий как оспоримых сделок была редкостью¹³. Если применить данную логику рассуждений в свете изменения презумпции недействительности сделок, то получается, что условия договора, заключенного с потребителем после 1 сентября 2013 г., должны признаваться не ничтожными, а оспоримыми со всеми вытекающими правовыми последствиями, что, с нашей точки зрения, не является оправданным и допустимым.

И здесь представляется целесообразным исходить из того, что защита слабой стороны договора (в первую очередь потребителя) является несомненным публичным интересом¹⁴, соответственно, ущемление прав потребителей является посягательством на публичные интересы и требует адекватной реакции правопримениеля в виде квалификации условия договора, ущемляющего права потребителя, как ничтожной сделки.

|| Как было отмечено выше, законодателем не был пересмотрен принятый ранее массив норм, устанавливающих в качестве последствия нарушения требований закона недействительность сделки.

¹¹ Несмотря на п. 6 ст. 3 Закона № 100-ФЗ, которым предусмотрено применение норм ГК РФ (в редакции этого Закона) об основаниях и о последствиях недействительности сделок (ст. 166–176, 178–181) к сделкам, совершенным после вступления его в силу, суд применил уже новую редакцию п. 2 ст. 168 ГК РФ. Следует отметить, что такие случаи не единичны (см., напр.: Определение ВС РФ от 28.01.2014 № 19-КГПР13-15).

¹² См., напр.: Определение ВС РФ от 17.05.2011 по делу № 53-В10-15; определения Московского городского суда от 26.04.2013 по делу № 11-8047, от 12.11.2012 по делу № 11-26726, от 18.12.2012 по делу № 33-24551/2012.

¹³ См., напр.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 16.02.2011 № 44-Г-12.

¹⁴ Подобная квалификация часто встречается в судебной практике, см.: Постановление КС РФ от 21.01.2010 № 1-П; п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Следствием этого является не только проблема квалификации недействительности определенной сделки в новых правовых условиях, но и проблема адаптации разъяснений (правовых позиций) высших судов, определяющих, что сделка или ее часть является недействительной и тогда, когда прямой нормы на этот счет нет, т.е. когда недействительность сделки выводится высшим судом из толкования нормы (норм).

В частности, наличие этой проблемы ставит перед нами следующие непростые вопросы:

— остается ли массив разъяснений высших судов (за исключением позиций об оспоримых сделках) актуальным для сделок, совершенных после 1 сентября 2013 г.?

— могут ли применяться правовые позиции высших судов к таким сделкам, если в результате изменения ст. 168 ГК РФ правовые последствия их применения становятся иными (а то и прямо противоположными), чем те последствия, которые ранее имели в виду высшие суды?

Можно попытаться дать на них частичные ответы на примере ситуации с **недействительностью (ничтожностью) условия о штрафе (неустойке) за односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг**.

Правовая позиция Президиума ВАС РФ сводится к тому, что в договоре возмездного оказания услуг не могут быть установлены ограничения на право одностороннего отказа от исполнения договора, в том числе штрафные санкции за такой отказ по причине императивности ст. 782 ГК РФ, из смысла которой в том числе следует, что отказ заказчика от исполнения договора возможен в любое время: как до начала исполнения услуги, так и в процессе оказания услуги¹⁵. Оставляя за скобками оценку занимаемой Президиумом ВАС РФ позиции, можно заключить, что для отношений, возникших после 1 сентября 2013 г., ее применение будет затруднительно.

¹⁵ Такая позиция была выражена в Постановлениях от 07.09.2010 № 2715/10 по делу № А64-7196/08-23, от 17.01.2012 № 11292/11 по делу № А40-135169/10-34-1164.

Во-первых, теперь условие договора возмездного оказания услуг о неустойке за отказ стороны договора от его исполнения оспоримо, а не ничтожно. Выше уже было отмечено, что препятствий для признания сделки недействительной как оспоримой намного больше, чем для квалификации сделки как ничтожной.

Во-вторых, применение позиции Президиума ВАС РФ возможно уже с ограничениями, установленными новой редакцией ст. 166 ГК РФ. Напомним, из действующей редакции ее абз. 4 п. 2 следует, что «сторона, из поведения которой яствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли». Заказчик, заключая договор возмездного оказания услуг, должен ознакомиться с содержанием договора. При этом предполагается его знание положений ГК РФ. Позиция Президиума ВАС РФ имплицитно основана на том, что стороны обязаны знать императивные положения закона¹⁶ и могут самостоятельно оценить недействительность спорного условия соглашения. Следовательно, есть основания утверждать, что заказчик, проявляя свою волю на заключение договора, должен знать о том, что условие о штрафе за отказ от договора противоречит ст. 782 ГК РФ. Следовательно, он лишается права на оспаривание этого условия.

Пункт 5 ст. 166 ГК РФ в действующей редакции содержит другое существенное ограничение для применения позиции ВАС РФ: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки».

Договор возмездного оказания услуг по своей природе является дляящимся, т.е. ситуация одностороннего отказа заказчика от его исполнения может возникнуть спустя длительное время после его заключения. Соответственно, в этот период заказчик, вероятнее всего, исполняет договор (например, оплачивает аванс, выдает доверенность исполнителю, предоставляет ему документацию, необходимую для оказания услуг, при-

¹⁶ А именно ст. 782 ГК РФ в части права сторон на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг.

нимает отдельные этапы услуг и т.д.). Думается, что условие о штрафе за отказ от исполнения договора будет ставиться им под сомнение только после отказа и требования исполнителя об уплате штрафа. То есть до этого момента поведение заказчика будет демонстрировать его согласие с действительностью договора в целом и условием о штрафе в частности (о чем могут свидетельствовать и само заключение договора, и его исполнение).

Таким образом, оспаривание этого условия становится крайне затруднительным, в результате чего недействительное условие¹⁷ получит судебную защиту, если только не использовать одно из общих положений гражданского законодательства — «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» (п. 4 ст. 1 ГК РФ), которое в этой ситуации может не позволить исполнителю взыскать указанный выше штраф.

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что обозначенные проблемы применения норм о недействительности сделок могли быть решены, если бы законодатель не только изменил одну, хоть и базовую статью ГК РФ, но и провел ревизию законодательства, прямо указав те нормы, за нарушение которых должна применяться такая санкция, как ничтожность сделки.

В заключение скажем, что, несмотря на все существующие разъяснения или рекомендации высших судов, остальным судам еще предстоит выработать практику применения изменившихся норм о недействительности сделок, в том числе обосновывать в каждом конкретном случае применение п. 1 или п. 2 ст. 168 ГК РФ. Участники же гражданского оборота вынуждены терпеть тяготы правовой неопределенности в ожидании формирования новых подходов в судебной практике.

¹⁷ С позиции высшего суда и сложившейся на ее основе единообразной судебной практики.